

Глава 22: Нравишься так же, как и мне

—
В тот день, когда Цзян Сюньюй пошел за итоговыми оценками, выпал снег.

Северный снег, большой и плотный, бескрайне кружащий, всегда был самым ненавистным для Цзян Сюньюя.

Говорят, что при снегопаде не холодно, а холодно при таянии снега. Но для прежнего Цзян Сюньюя всегда было холодно. У него не было теплого одеяла, только тонкая одежда. Зимой он мог лишь съезживаться в углу, дрожа от холода, а его то и дело забрасывали камнями, били и ругали.

Но эта зима была другой. Цзян Сюньюй шел по снегу, сжимая в руках уведомление об оценках, и в груди у него горело жаром.

Он осторожно сложил уведомление пополам, положил его в отделение рюкзака, ближайшее к спине, а затем прижал рюкзак к груди, обеспечив двойную защиту от намокания талым снегом.

Так, он бегом добрался до дома.

Он отчаянно хотел рассказать Цзи Юйчжоу, рассказать ему о своем большом прогрессе, рассказать, что его похвалил учитель, рассказать, что он не опозорил его.

Цзян Сюньюй, запыхавшись, прибежал домой, но, увидев пустой дом, только тогда понял, что в это время Цзи Юйчжоу еще не вернулся.

Он не расстроился, осторожно достал оценки из рюкзака, аккуратно разгладил и положил на журнальный столик в гостиной. Наконец, посчитав это недостаточной страховкой, взял пустой стеклянный стакан и прижал им оценки, чтобы их не сдуло ветром. На самом деле, вентиляционная система в комнате была хорошо налажена, и сдуть оценки ветром было невозможно.

Но Цзян Сюньюй просто не мог успокоиться.

В девять вечера Цзи Юйчжоу вернулся домой и первым делом увидел листок бумаги, прижатый стаканом на журнальном столике.

Он подошел, взял его, и когда понял, что это оценки, не смог сдержать улыбки.

Цзян Сюньюй действительно значительно улучшил свои результаты. Когда он только пришел в класс, он был буквально последним. На этом экзамене он не только сдал все предметы, но и занял 40-е место в классе из более чем 60 человек.

Однако Цзи Юйчжоу смеялся не над его прогрессом.

Цзи Юйчжоу видел ежедневные усилия ребенка. Он считал нормальным, что ребенок добивается прогресса. Его рассмешил поступок ребенка, который положил табель успеваемости на журнальный столик.

Раньше Цзи Юйчжоу всегда считал, что характер Цзян Сюньюя слишком замкнутый, он все держит в себе. Если спросить, выдавит несколько слов, а если не спросить, то абсолютно

ничего не скажет. Если подумать, кажется, это был первый раз, когда он сам проявил инициативу и что-то ему показал.

Цзи Юйчжоу, с улыбкой в глазах, взял эту тщательно оберегаемую Цзян Сюньюем ведомость с оценками и поднялся наверх.

Услышав стук в дверь, Цзян Сюньюй первым делом пошел открывать. Хотя это он сам положил ведомость на стол, увидев ее в руках Цзи Юйчжоу, он все же почувствовал себя немного неловко.

«Господин Цзи... Вы посмотрели оценки?»

«Да», — улыбнулся Цзи Юйчжоу, — «Большой прогресс».

Цзян Сюньюй прикусил губу, колеблясь, сказал: «Тогда на зимних каникулах... вы не могли бы...»

«Что хочешь? Или ты что-то задумал?»

Цзян Сюньюй глубоко вздохнул, рука под рукавом сжалась в кулак: «Вы раньше говорили, что если я буду хорошо учиться, то заберете меня на Новый год. Это считается «хорошо учиться»?... Я, я очень не хочу возвращаться в приют».

Голос Цзян Сюньюя становился все тише и тише, к концу почти утонул в горле, став едва слышным.

Цзи Юйчжоу нахмурился и вдруг понял, почему ребенок так усердно трудился в этот период.

Возможно, из-за своей низкой самооценки малыш неправильно понял его слова, восприняв «хорошо учиться» как обязательное условие для того, чтобы остаться. Он думал, что если он не будет хорошо учиться, его вышлют обратно в приют на праздники.

Цзи Юйчжоу думал, что Цзян Сюньюй всегда понимал: на каникулах в этом доме никого не будет, и он не сможет оставить его одного, это небезопасно.

Но Цзян Сюньюй подсознательно все еще не мог поверить, что действительно сбежал из прежнего приюта. Поэтому он никогда не стремился получить какую-то награду или похвалу, он просто хотел оставаться рядом с Цзи Юйчжоу.

В сердце Цзи Юйчжоу поднялось чувство горечи.

Цзи Юйчжоу молчал, не говоря ни слова. Цзян Сюньюй начал волноваться.

Он в панике, прикусив губу, сказал: «Я, я умею подметать, мыть полы, стирать одежду, готовить... и обязательно буду всегда носить свою кепку, чтобы никто не заметил... Вы, вы не отвозите меня назад...»

Кадык Цзи Юйчжоу дернулся вверх-вниз, и наконец он тихо сказал: «Глупый ребенок».

Он посмотрел Цзян Сюньюю в глаза и заверил его: «Раз уж я решил стать твоим опекуном, я больше никогда не отправлю тебя назад».

Глядя в глаза Цзи Юйчжоу, черные, как тушь, спустя долгое время, словно наконец почувствовав облегчение, Цзян Сюньюй наконец прошептал: «Спасибо, господин Цзи».

Его голос был немного гнусавым.

—

Эта зима была особенно холодной, и Лунный Новый год наступил рано. Цзи Юйчжоу получил уведомление из военной академии о том, что для обеспечения безопасности родительское собрание, запланированное до каникул, перенесено на время после начала занятий. Это как раз соответствовало желанию Цзи Юйчжоу пораньше вернуться домой.

Собрав вещи, они вдвоем отправились в обратный путь.

Сев в машину, направляющуюся к родовому дому семьи Цзи, Цзян Сюньюй выглядел немного нервным. Он положил руки на колени и неосознанно тербил штаны, помяв ткань.

Цзи Юйчжоу с улыбкой подумал про себя и сказал, чтобы успокоить его: «Я всегда был похож на свою мать, особенно в том, что касается вкуса».

Цзян Сюньюй вздрогнул, подсознательно остановил движения рук и посмотрел на Цзи Юйчжоу, не понимая, что он имеет в виду.

Тонкие губы Цзи Юйчжоу слегка изогнулись в улыбке: «Это значит, что ты ей точно понравишься так же, как и мне. Тебе не нужно нервничать».

«...Мм».

Цзян Сюньюй опустил голову, его голос был очень тихим, а лицо постепенно покраснело.

В его голове звучала только фраза «понравишься так же, как и мне».

Он знал, что «нравится», о котором говорил господин Цзи, было без какой-либо страсти, возможно, не отличалось от симпатии к бродячим кошкам или собакам на улице, но он все равно не мог не смущаться.

В сердце расцветали маленькие фейерверки.

Несмотря на смущение, первоначальное напряжение Цзян Сюньюя действительно значительно спало.

Машина медленно поднялась, улетающая все дальше в воздухе. Вокруг все было белым-бело. Прошло неизвестно сколько времени, прежде чем перед ними снова появилась ровная дорога.

В отличие от дорог снаружи, по обеим сторонам этой дороги росли гинкго. Была зима, но листья гинкго еще не опали полностью. Желтые и зеленые, они висели на ветвях, очень красивые.

Машина продолжила движение и наконец остановилась перед зданием в старинном стиле.

Внешние стены здания были украшены различными декоративными элементами, крыша была в форме иероглифа «人» (жэнь - человек), покрытая глазурованной черепицей. По стилю это выглядело как реликвия древней Земли.

Вся атмосфера была торжественной и строгой.

А перед зданием стояла женщина в роскошном, величественном наряде. Между ними тремя

еще было расстояние, можно было только почувствовать благородную ауру женщины, но выражение ее лица было неразличимо.

Цзи Юйчжоу слегка улыбнулся, но Цзян Сюньюй снова немного занервничал.

Если он не ошибается, это должна быть мать господина Цзи.

Действительно ли он ей... понравится?

Понравится чудовище, у которого нет кровного родства с господином Цзи, которое он приютил, и у которого к тому же необычный цвет глаз?

—

<http://bllate.org/book/12842/1131897>